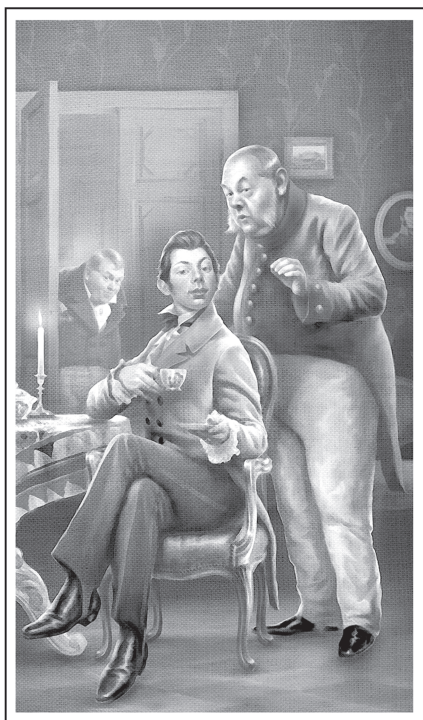

НОВЕЙШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

по литературе

7 класс

4-е издание, исправленное и переработанное

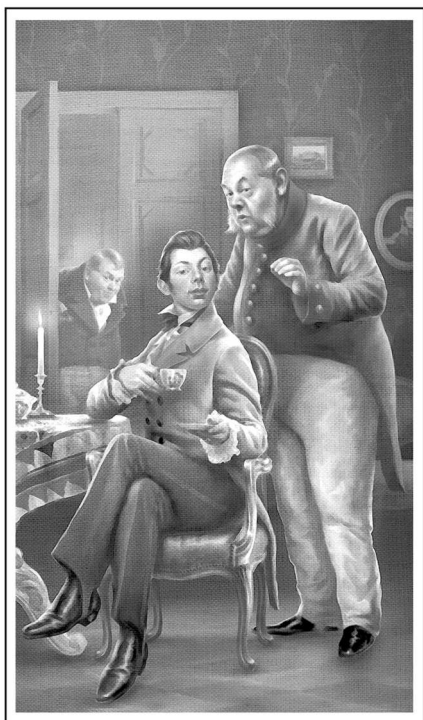
МОСКВА
2024

НОВЕЙШАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

по литературе

7 класс

4-е издание, исправленное и переработанное

МОСКВА
2025

УДК 373.167.1:82
ББК 83я721
Н72

В оформлении переплета
использована иллюстрация *В.В. Нартова*

Н72 **Новейшая** хрестоматия по литературе : 7 класс. — 4-е изд.,
испр. и перераб. — Москва : Эксмо, 2025. — 496 с. — (Новейшие
хрестоматии).

ISBN 978-5-04-092223-9

В средней школе продолжается изучение русской и зарубежной литературы, при этом круг чтения учащихся значительно расширяется. Обновляются и школьные программы — в них включаются многие произведения, которые еще 10–15 лет назад не изучались в школе.

Новейшая хрестоматия составлена в полном соответствии с современными требованиями стандарта образования и может быть использована со всеми основными учебниками, рекомендованными Министерством образования и науки РФ. В нее вошли памятники древнерусской литературы, произведения русских классиков XIX и XX веков и современных отечественных авторов, шедевры мировой литературы — все тексты, необходимые семиклассникам для подготовки к урокам литературы дома.

УДК 373.167.1:82
ББК 83я721

ISBN 978-5-04-092223-9

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

**ДРЕВНЕРУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да Никитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ездика далече во чисто поле,
На ту на гору да Сорочинскую,
Не топчи-ка ты младых змеенышей,
Ты не выручай-ка полонов да русских,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке —
Пучай-река очень свирепая,
Средняя-то струйка как огонь сечет».
Добрыня своей матушки не слушался,
Как он едет далече во чисто поле
На ту на гору на Сорочинскую.
Потоптал он младых змеенышей,
Повыручал он полонов да русских.
Богатырско его сердце распотелось,
Распотелось сердце, нажаделось.
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня, да ко Пучай-реке.
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цветное,
Он забрел за струечку за первую,
Да забрел за струечку за среднюю,
Говорил сам да таково слово:
«Мне, Добрынюшке, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, маменька наказывала:
Что не ездика далече во чисто поле,
На ту на гору на Сорочинскую,
Не топчи-ка младых змеенышей,
Не выручай полонов да русских
И не куплись, Добрыня, во Пучай-реке, —
Пучай-река очень свирепая,
Средняя струйка как огонь сечет.

А Пучай-река она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождёвая!»

Не успел Добрыня словца смолвити —
Ветра нет, да тучу наднесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да свищет молния.
Как летит змеище Горынище
О тых двенадцати о хоботах.
Добрыня той Змеи не приужахнется,
Говорит Змея ему проклятая:
«Ты теперь, Добрыня, во моих руках!
Захочу — тебя, Добрыню, теперь по́топлю,
Захочу — тебя, Добрыню, теперь съем-сожру,
Захочу — тебя, Добрыню, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыню во нору́ снесу».
Припадает Змея ко быстрой реке,
А Добрынюшка плавать горазд ведь был:
Он нырнет на бережок на тамошний,
Он нырнет на бережок на здешний.
Нет у Добрынюшки добра коня,
Да нет у Добрыни платьев цветных, —
Только лежит один пухов колпак,
Пухов колпак да земли Греческой,
По весу тот колпак да целых три пуда.
Как ухватил он колпак земли Греческой,
Да шибнет во Змею во проклятую,
Он отшиб Змее двенадцать хоботов.
Тут упала Змея да во ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку поверток был,
Скочит он на змеиные да груди белые.

На кресте у Добрыни был булатный нож,
Хочет он распластать ей груди белые,
А Змея ему, Добрыне, взмолился:
«Ой ты Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:

Тебе не ездити далече во чисто поле,
На ту на гору на Сорочинскую,
Не топтать больше младых змеенышей,
Не выручать полонов да русских,
Не купаться тебе, Добрыня, во Пучай-реке
И мне не летать да на Святую Русь,
Не носить людей мне больше русских,
Не копить мне полонов да русских».

Он повыпустил Змею как с-под колен своих,
Поднялась Змея да вверх под облаку.
Случилось ей лететь да мимо Киев-града,
Увидала она Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Идучись по улице по широккой.
Тут припала Змея да ко сырой земле,
Захватила она Князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тогда солнышко Владимир стольнокиевский
По три дня да тут билич кликал,
А билич кликал да славных рыцарей,
Кто бы мог съездить далече во чисто поле
На ту на гору на Сорочинскую,
Сходить во нору да во глубокую
Достать его, Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Говорил Алешенька Левонтьевич:
«Ах ты солнышко Владимир стольнокиевский!
Ты накинь-ка эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича:
У него ведь со Змеєю заповедь положена,
Что ей не летать на Святую Русь,
А ему не ездить далече во чисто поле,
Не топтать-то младых змеенышей
Да не выручать полонов русских, —
Так возьмет он Князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну
Без бою, без драки-кроволития».

Тут солнышко Владимир стольнокиевский
Как накинуд эту службу да великую
На того Добрыню Никитича —
Ему съездить далече во чисто поле
И достать ему Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Он пошел домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречает его да родна матушка,
Честна вдова Ефимья Александровна:
«Ой ты рожоно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты что с пиру невесел идешь?
Знать, место было тебе не по чину,
Знать, чарой на пиру тебя приобнесли,
Аль дурак над тобой насмеялся-де?»
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ой ты государыня родна матушка,
Ты честна вдова Ефимья Александровна!
Место было мне да по чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
Дурак-то надо мной не насмеялся ведь:
А накинуд службу да великую
Солнышко Владимир стольнокиевский,
Что съездить далече во чисто поле,
На ту на гору да на высокую,
Мне сходить во нору во глубокую,
Мне достать-то Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну».
Говорит Добрыне родна матушка,
Честна вдова Ефимья Александровна:
«Ложись-ка спать да рано с вечера [...],
Мудренее утро будет вечера».
Он вставал по утречку ранешенько,
Умывался да он белешенько,
Снаряжался он хорошоохонько,
Да идет на конюшню на стоялюю.

А берет в руки узду он да тесмяную,
А берет он дедушкова да ведь добра коня,
Он поил Бурка питьем медвяным,
Он кормил пшеной да белояровой,
Седлал Бурка в седлышко черкасское,
Он потнички да клал на потнички,
Он на потнички да клал войлочки,
Клал на войлочки черкасское седлышко,
Всё подтягивал двенадцать тугих подпругов.
Он тринадцатый клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырутил.
Подпруги были шелкóвые,
А шпеньки у подпруг все булатные,
Пряжки у седла да красна золота.
Тот шелк не рвется, булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит, да сам не стареет.
Поезжал Добрыня сын Никитинич.
На прощанье ему матушка плетку подала,
Сама говорила таково слово:
«Как будешь далéче во чистóм поле,
На той на горе да на высокия,
Потопчешь младых змеенышей,
Повыручишь полонов да русских,
Как тыи-то молодые змееныши
Подточат у Бурка они щеточки,
Что не может больше Бурушко доскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать, —
Ты возьми-ка эту плеточку шелковую,
А ты бей Бурка да промежú ноги,
Промежу ноги, да промежу уши,
Промежу ноги да между задние.

Станет твой Бурушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он отряхивать,
Ты притопчешь всех до единого».

Как будет — он далече во чистом поле,
На той на горе да на высокой,
Потоптал он младых змеенышей.
Как те ли младые змееныши
Подточили у Бурка они щеточки,
Что не может больше Бурушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он — отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинич
Берет он плеточку шелковую,
Он бьет Бурка да промежу уши,
Промежу уши, да промежу ноги,
Промежу ноги, да между задние.
Тут стал его Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех до единого.
Выходила Змея она проклятая
Из той из норы из глубокой,
Сама говорила таково слово:
«Ах ты эй, Добрынюшка Никитинич!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал младых змеенышей,
Почто выручал полоны да русские?»
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты эй, Змея да ты проклятая!
Черт ли ты нес — да через Киев-град!
Ты зачем взяла Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну?
Ты отдай же мне Князеву племянницу:
Без бою, без драки-кроволития!»
Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
«Не отдам я тебе князевой племянницы
Без бою, без драки-кроволития!»
Заводила она бой-драку великую.
Они дрались трои суточки,
Но не мог Добрыня Змею перебить.
Хочет тут Добрыня от Змеи отстать,

Как с небес Добрыне глас гласит:
«Молодой Добрыня сын Никитинич!
Дрался со Змеей ты трои суточки,
Подерись со Змеею еще три часа:
Ты побьешь Змею да ту проклятую!»
Он подрался со Змеею еще три часа,
Он побил Змею да ту проклятую.
Та Змея она кровью пошла.
Стоял у Змеи он трои суточки,
Не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крові отстать,
С небес Добрыне опять глас гласит:
«Ах ты эй, Добрыня сын Никитинич!
Стоял у крови ты трои суточки,
Постой у крови да еще три часа.
Бери свое копье да бурзамецкое
И бей копьем да во сыру землю,
Сам копью да проговаривай:
Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.
Тогда Добрыня во нору пошел,
Во те во норы да во глубокие.
Там сидят сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей да королевичей,
А простой-то силы той и смету нет.
Тогда Добрынюшка Никитинич
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
«Вы идите нынь туда, откель принёсены.
А ты, молода Забава дочь Путятична,
Для тебя я эдак теперь странствовал,
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву,
Ай ко ласковому князю ко Владимиру».

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга растеть-матереть;
Похотелоя Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темные леса.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружиниушку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков, нелегченныхих.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая:
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешки по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до пабедья,
А наехали в чистом поле оратая:

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он да пометывает,
А пеня, кореня вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит,
У оратая кобыла соловая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются;
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя;
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы остры,
Вот под пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати,
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
«Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко,
Орать, да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да пометывати,
А пеня, кореня вывертывати,
А большие-то каменья в борозду валить!»
Говорит оратай таковы слова:
«Поди-ка ты, Вольга Святославович,
Мне-ка надобно Божья помочь крестьяновати!
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?»
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Как пожаловал меня да родный дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольнекиевский,
Тремя ли городами со крестьянами
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем;

Теперь еду к городам да за получкою».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы,
Да потопят ты в реку да во Смородину.
Я недавно там был в городе, третьего дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд,
А тут стали мужички с меня грошов просить;
Я им стал-то ведь грошов делить,
А грошов-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь да больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи;
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит».
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Ты поедем-ка со мною во товарищах».
А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается,
У оратая кобыла ступыб пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Говорит оратай таковы слова:
«Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет — взять нечего,
А богатый — тот наедет, не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.